

Валентина Анатольевна Теплова
Кандидат исторических наук
Профессор Минских Духовных Академии и Семинарии
Доцент БГУ
г. Минск, Беларусь

Латинизация греко-католической церкви в XVII – XVIII вв. как фактор духовно-культурного размежевания униатского духовенства

М.О. Коялович начинает 2-й том своей «Литовской унии» словами: «Униатская литовская Церковь одною рукою создала себя, ... а другою в то же самое время разрушала»¹. Силой, которая привела греко-католическую церковь к внутреннему кризису, явно обозначившемуся уже к середине XVIII века, была **латинизация**. Ее основы были заложены еще в отказе папы Климента VIII признать условия единства двух церквей, которые привезли в Рим в ноябре 1595 г. иерархи Киевской митрополии Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий. Глава Римско-Католической церкви заставил не только подписать, но и клятвенно подтвердить за себя и за русских иерархов предложенное им исповедание веры, признающее определения Флорентийского и Тридентского соборов об исхождении Св. Духа «и от Сына», причащение под одним видом, учение о чистилище, индульгенциях и о примате папы, наместнике Христовом, а «все противное, как-то раскол и ереси, которые Церковь отвергнула и прокляла, проклиною и отвергаю»². На торжественном приеме у папы в Константиновом Дворце по случаю подписания условий унии епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий за себя и за пославших их митрополита и епископов заявили: **«Исповедую, что Святая Католическая и Апостольская Римская Церковь для всех Церквей есть Мать и Учительница, а римскому понтифику, преемнику блаженного Петра князя апостолов, наместнику Христа, истинное послушание отдавать торжественно обещаю и клянусь»**. Православным оставались обряды, но с оговоркой: если таковые не противны католическому вероучению и не препятствуют общению с Римской церковью.

Начавшись с подписания условий церковной унии в Риме, процесс латинизации продолжался в течение всего периода ее существования, хотя теоретические предпосылки этого процесса можно проследить еще у Петра Скарги³. А. Хойнацкий выделяет в латинизации униатской церкви два периода: от Брестской унии 1596 г до Замойского собора 1720 г. и от Замойского собора до «наших дней»⁴.

¹ Коялович М.О. Литовская уния. – Т.2. С.1.

² Бантыш –Каменский Н.е известие...С.43

³ Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 2. // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Под ред. П. Гильтебрандта. Т.VII. – 1818 сб.

⁴ Хойнацкий

Первый период характеризуется осторожным, а подчас и малозаметным проникновением латинских вставок и нововведений в богослужение униатов. До Замойского собора при богослужении униаты употребляли те же самые церковные книги, которыми пользовалась вся Православная церковь. Посягнуть на переделку богослужебных книг, без подготовки народа, означало бы оттолкнуть народ от унии, сделать его вечным и непримиримым врагом унии. «Папам, – пишет А. Хойнацкий, – не впервые было делать подобные уступки изменникам восточного православия. **Они раз и навсегда сказали на Флорентийском соборе, что могут терпеть**, дабы греки не отпали от своего обряда», и потому никогда не стеснялись утверждать все древнее их православное богослужение и богослужебные книги, хотя рады были не пропустить ни одного случая возможности извратить их характер и направление»⁵. Так поступали и с униатами. Уже в 1594 г. появилась булла Климента VIII, в 1615 г. - Павла V, а в 1624 г. Урбана VIII, предостерегающие от нарушений чистоты греческого обряда и сохранения древних богослужебных книг. Однако эти буллы ни в какой степени не являются свидетельством истинных намерений апостольской столицы и действительного положения дел. В это же самое время иезуиты посредством своих школ взяли в свои руки образование униатской молодежи, сделавшись их единственными наставниками, и выпускали из них убежденных католиков.

Первые семена, брошенные на почву латинизации унии, дали новые всходы при митрополите Иосифе Ружком (1613 – 1637), с именем которого связано появление ордена базилиан, этих «иезуитов восточного обряда»⁶. Их целью стало открытое сближение униатства с римо-католичеством. В базилианском ордене распространялось латинское богослужение, вводились в употребление латинский и польский языки. В 1631 г. папа Урбан VIII своим бреве выразил благосклонное отношение к базилианам, даровав им право «привилегированного алтаря», т.е. право совершения месс, избавляющих души усопших от пребывания в чистилище, которым ранее обладали исключительно латинские монашеские ордена. Господство в униатской церкви этого ордена было обеспечено в 1635 г. привилеем короля Владислава IV, закрепившего за базилианами право занимать митрополичью и епископские греко-католические кафедры в Речи Посполитой⁷. Уже на конгрегации в Бресте 1666 г. униатский епископ Иаков Суша жаловался, что базилиане многое изменили в обрядах Св. Восточной Церкви и в совершении Божественной Литургии и до того перепутали все в униатской церкви, что униатские обряды нельзя назвать ни греческими, ни латинскими, что базилиане вмешиваются в юрисдикцию униатских епископов. Первым актом деятельности базилиан на территории ВКЛ стал захват православных братских школ. Еще в 1597 г. в руки униатов попала Брестская братская

⁵ Хойнацкий А. – С. 221.

⁶ Петров Н.И. Очерк истории базилианского ордена. – Киев, 1870.

⁷ Петрушко В.И. Василиане. Василианский орден св. Иосафата // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. – Т. VII. – С. 20.

школа. К концу XVII в. практически все православные братства прекратили свое существование, а после закрытия ордена иезуитов (1773) у базилиан сосредоточилось и светское образование. К ним перешли богатые иезуитские библиотеки, редкие физические кабинеты, школы. Изучение церковнославянского языка в базилианских школах было постепенно брошено и многие униатские священники по выходе из них не умели читать по-церковнославянски и отправлять церковную службу. Священники находили выход в том, что вели службу по тетрадам, в которых обедни и другие чинопоследования были написаны польскими буквами, а проповеди все чаще произносили не на «местном наречии», а на польском языке⁸. Преданный прежней богослужебной практике униатский священник Петр Каминский жаловался: «Проскомидии совсем не совершают, входа с Евангелием не делают, говорят: это схизматические выдумки. Не бывает и переноса (великого входа) ... Всенощной нет. Этого богослужения они не знают..., канонов не читают: русским языком так гнушаются, что во всей униии не услышать русской проповеди... Все говорят по-польски... Руководители – почти все из римского обряда. Они имеют преимущество: заводят новости, бубны, трубы, чтобы привлечь простой народ и склонить его к римскому богослужению»⁹.

Деятельность базилиан на поприще образования окончательно переориентировала униатскую церковь с Православного Востока к латинскому Западу и, по существу, положила конец культурной самостоятельности Беларуси и Украины, так и не дав возможности исполнить национальную миссию. Однако подготовив почву для латинизации униатской церкви, базилианский орден тем самым подготовил и почву для ее внутреннего кризиса.

В этой обстановке в Замостье в 1720 г. униатским митрополитом Львом Кишкой с разрешения папы Климента XI был собран собор униатской церкви¹⁰, целью которого, по словам папы Бенедикта XIII, стала необходимость «приискывать такие средства, и делать такие постановления, с помощью которых были бы искоренены заблуждения, то по несчастью времен, то по злости человеческой вкравшиеся (в униатскую церковь) – чтобы вверенные их попечению священники и миряне возвратились к истинному исповеданию православной веры, без которой невозможно угодить Богу, и к целостному, неизменному принятию святохранимого католического обряда»¹¹ (до собора в практике униатской церкви имелись случаи использования православных обрядов и таинств, даже символа веры). Провозгласив унию единственно законной в Речи Посполитой церковью греко-восточного обряда, члены собора единогласно постановили признать униатами **латинскую догматику** (с признанием исхождения св. Духа и от Сына, чистилище, индульгенций и т.п. и торжественную присягу на вечное

⁸ Хойнацкий

⁹ Хруцкий С. Великий обновитель униі // Епархіальний вісник. № №5,6

¹⁰ Павлович С.К. Опыт истории Замойского униатского собора 1720 г. – Гродно, 1904.

¹¹ Булла папы Бенедикта XIII на благословение Замойского собора

повиновение папе, как истинному наместнику Христову и главе церкви). **Это было главное постановление Замоиского собора**, но были и второстепенные: посвящать в священники неженатых лиц, одеваться униатским священникам в одежды латинского покроя, освобождать униатов от соблюдения Петрова поста, если они этого пожелают; ввести в число церковных богослужений читанные литургии, праздники в честь Тела Христова, Иосафата Кунцевича. **Собор постановил также издать** для униатов новые богослужебные книги, согласно принятым догматическим и обрядовым изменениям и запретил приобретать книги из «схизматической» границы (т.е. России) и хранить их. «Для предотвращения подобных беспорядков (собор) повелевает, чтобы те из книг уже напечатанных, которые требуют исправления и могут быть исправлены, были исправлены непременно и чтение таковых до тех пор было возбранено верным, пока они не будут исправлены; в противном случае **они должны быть подвергнуты совершенному запрещению, под казнию осуждения как тех, которые будут читать их, так и тех, которые станут вносить в них до государства** (т.е. РП) без дозволения местного ординариуса»¹².

Безусловно, Собор не мог оставить богослужебную литературу в её первоначальном виде, в каком она выходила в униатских типографиях. «Оставив их таким образом, – пишет Хойнацкий, – значило идти против всеобщей практики униатской церкви, против всего, что успели ввести в нее иезуиты, с чем она освоилась, сжилась совершенно. Не говорим уже о том, что оставленные в первобытной чистоте своей православные богослужебные книги **служили бы для унии и Рима вечным укором их неправды и заблуждений**».

Решения Замоиского собора по латинизации богослужения были столь радикальны, что возникли определенные трудности с утверждением его решений римскими папами. Кроме того, базилиане, получившие благодаря этому собору новые привилегии, стали с таким рвением проводить в жизнь его постановления, что в итоге в униатских храмах появились такие новшества, о которых собор и не упоминал (открытые алтари, органы, боковые престолы). Вскоре был создан специальный комитет для исправления церковных книг, в состав которого вошли в основном доминиканцы и иезуиты. Итогом деятельности этого комитета стало исключение из святцев, как схизматиков, святых Антония и Феодосия Печерских. И только после настоятельных просьб со стороны униатов они снова были признаны и только потому, что оказалось, **будто они были не схизматиками, а католиками**.

В этом же контексте следует рассматривать и созданную еще в XVI в. легенду о Параскеве – Пракседис, княжне Полоцкой, которая совершила паломничество в Рим, построила там храм, при котором и была погребена.

¹² Труды Киевской духовной академии.– 1862 г., август. Сравни. Христианское чтение.– 1864, апрель. Хойнацкий, 254.

По мнению исследователей, составитель жития Параскевы-Пракседис позаимствовал его из жития Евфросинии Полоцкой и легенды о Пракседис Римской, чтобы придать житию католический характер¹³.

XVIII век в истории унии—время реализации решений Замоийского собора, время полной латинизации униатской церкви, время принятия частных распоряжений об исключении из святых ряда православных угодников (в частности, была вычеркнута служба Григорию Паламе). Униатская церковь оказалась в положении, при котором переход в католичество становился незаметным и которое предвещало в недалеком будущем полное слияние унии с католичеством. Одним из доказательств этой трансформации является попытка сподвижника римско-католического митрополита Могилевского иезуита Шантыря совершать униатскими священниками литургию на латинском языке. Поскольку большая часть униатского духовенства не знала латыни, то Шантырь напечатал латинские миссалы польским правописанием. Однако эта затея провалилась благодаря жалобе митрополита Ираклия Лисовского, направленной в Санкт-Петербург.

Однако решения Замоийского собора были неодинаково восприняты базилианами и частью белого духовенства, сторонниками сближения с Римом и ревнителями чистоты униатской церкви. Если первые принялись за активную реализацию постановлений Собора, то униатское белое духовенство отнеслось к нововведениям более сдержанно. Это было начало раскола, кризиса греко-католической церкви, который способствовал возникновению тяготения не только православного, но и части униатского населения Речи Посполитой к единой России. Эти настроения весьма выразительно переданы в “Записках” митрополита литовского Иосифа Семашко¹⁴, А. Зубко¹⁵, а также в письме М.О. Кояловича к известному издателю А.С. Суворину. «Вам, москалям, непонятно, — пишет М. Коялович, откуда у нас, западнорусов, берется такая любовь к России”. И далее из семейных воспоминаний он передает следующее: “... После третьего раздела Польши мой отец, тогда уже сорока трех лет, очутился за границей России, в прусском государстве. Его мать, а моя бабушка, возмутилась, что семья оказалась не только в Польше, но и под властью немцев и, несмотря на запрещение переселяться в Россию лицам мужского пола, ночью в сундуке с просверленными дырками, контрабандным путём перевезла моего отца через Неман и торжественно выпустила на русскую землю”¹⁶. Этот эпизод хорошо передает ту психологическую и культурную

¹³Данилевич, В.Е. К вопросу о Параскеве-Пракседис, княжне Полоцкой / В.Е. Данилевич // Харьков: Электр.типо-литогр. С.А. Шмерковича, 1905. – С. 97–99. Сапунов, А.П. Католическая легенда о Параскеве, княжне полоцкой / А.П. Сапунов. – Витебск, 1888. – 47 с.

¹⁴ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные императорскою Академиею наук по завещанию автора. Спб.1883. Т. I. С. 572.

¹⁵ Зубко Антоний, архиеп. О греко-Унитской Церкви в Западном крае России. Воспоминания. СПб., 1889. – 88 с.

¹⁶ Цвѣкѣвич А. Указ. соч. С.145.

атмосферу, в которой воспитывался будущий историк и те настроения, которые существовали в старых белорусских униатских семьях¹⁷. На широкую распространённость подобных настроений среди староуниатов Белоруссии и Украины в конце XVIII и начале XIX в. обратил внимание А. Цвикевич. Это были семьи, в которых сохранялись православные традиции, родной язык, быт и воспоминания. Таких семей, почитавших Православие в унии и чувствующих себя в превосходящем католическом окружении чужими на родной земле, было немало. Таким образом, **латинизация греко-католической церкви явилась фактором духовно-культурного размежевания униатского духовенства, которое в итоге и привело к воссоединению всей униатской церкви с Русской Православной Церковью.** Именно таково понимание еп. Иосифа Семашко, ассессора греко-католического департамента в 1833 г.: «Мы, русские, дети Греко-Российской Восточной Церкви, отторжены от общего тела старших наших братьев политическими видами бывшего польского правительства и общества иезуитов. Более двухсот лет мы были игрищем партий, взаимно между собою враждовавших; нас угнетали, нас уничижали, у нас отнимали наши права, наши постановления, искажали прекрасное наше богослужение: и за все нами претерпенное, за все отнятое мы получили несколько так называемых догматов веры, неизвестных древней христианской Церкви, а изобретенных на Западе, во времена варварства средних веков, духовенством, в самом грубом невежестве находившемся. Поставленные ныне между римским обрядом, который, вспомоществуемый многими клеветами из самого нашего духовенства, стремится более и более изменить нас в народ, чуждый России и Православию... (униаты) обретут спокойствие лишь тогда, когда обратятся в лоно Греко-Российской Церкви и сольются в одно могущественное тело россиян».

Ликвидация церковной унии отнюдь не была следствием «реакционной политики николаевской» России или «результатом действий отдельных иерархов униатской церкви, перешедших на службу к российскому правительству». К сожалению, подобное упрощенное толкование такого трудного и сложного события, каким было воссоединение униатов с Православием, поныне существует в научной и учебной литературе. Изменить его – задача нашей конференции.

¹⁷ На широкую распространённость подобных настроений среди староуниатов Белоруссии и Украины в конце XVIII и начале XIX в. и необходимость их изучения обратил внимание А. Цвикевич. Подробно см. Цвiкeвiч. Указ соч. С.145.